

Нас покинул Жан-Мишель Вапперо.

Его можно было бы назвать психоаналитиком, математиком, учеником Лакана, оригинальным мыслителем, но сам он всегда представлялся как читатель. Он говорил, что думать значит читать. Он всегда подчеркивал, что чтение существует до письма. Ясным примером этого чтения до письма является узел, то есть объект, еще не являющийся письмом и, на первый взгляд, предстающий как хаотичное скопление нитей. Узел - еще не письмо, но объект побуждающий нас к практике чтения.

Тогда как письмо - это, то что может быть изобретено в результате этого чтения. Жан-Мишель замечал, что вокруг всё говорит - природа, животные, Бог, в конце-концов, но вот письмо - оно не дано изначально, его нужно изобрести. Как следствие, изобретение письма является завершением чтения и дает начало истории. Вапперо воплотил это начало истории для психоанализа, потому как стал писать. Следуя по стопам собственного чтения, он оставил нам примеры того, как чтение завершается в письмо. В этих примерах он рождает букву там, где раньше была интуиция Лакана. Так произошло с теорией дискурсов, где различие мест и элементов дало Вапперо возможность сформулировать то, что он назвал теоремой Лакана; так произошло с инволюцией между односторонним и двухсторонним, где благодаря Жану-Мишелю появилось существенное обобщение, позволяющее перейти от тора с тремя дырами к поверхности борромеева узла; так произошло с логикой, где Вапперо ввел в письменность новое отрицание, позволяющее записать фрейдовский *Verneinung*; так случилось с отличием зацеплений и узлоцепочек, где, следуя интуиции Лакана, Вапперо производит письменность, которая строится вокруг разреза; так произошло с понятием нарциссизма, где Вапперо от психоаналитического понятия переходит к изучению симметрии и теории групп, так произошло...

Один из центральных принципов этих переходов к букве состоял в том, чтобы попытаться рассматривать тот или иной концепт как объект. Наглядный пример этого можно увидеть в том, как Жан-Мишель использовал дырявые диски, чтобы говорить про лакановские понятия отчуждения и отделения: мы двигаем физический объект (цветной прозрачный диск с отверстием), фиксируем это движение буквой (пишем образующиеся имена зон, опираясь на булеву алгебру), а на другом полюсе мы переходим между психоаналитическими понятиями (отчуждение/отделение). Вапперо замечал, что в таком обращении с понятиями есть что-то детское - не инфантильное, но именно детское. Что-то от того, как дети вечно создают маленькие конструкции - что-то смешивают или лепят, что-то рисуют или клеют, создают свои тяп-ляп произведения. Математики, - говорил Вапперо, - это не гидроцефалы, это не такие ребята с огромным мозгом, но любопытные дети. Главную добродетель он видел в этой области в том, чтобы уметь задавать вопросы, а потом пытаться на них отвечать.

Интересный момент, которым характеризовались конструкции Вапперо, ну или даже можно сказать, идеал этих конструкций, был связан с таким свойством как хрупкость. В его книгах узел - это прежде всего то, что развязывается, это исчезающий организм. Его логика пыталась подхватить именно это свойство - она развязывается, тривиализуется, то есть вот-вот, и готова исчезать. Ему нравилось говорить, что в его логике не нужно слишком много доказывать, в противном случае она исчезнет: доказывая слишком много, потеряешь сам инструмент, который использовал для того

чтобы доказывать. Такую позицию по отношению к истине приписывают порой тем, кого волнует мудрость, как делает это Ницше в *Веселой Науке*, советуя в вопросах истины не спешить знать всё. Такую позицию в психоанализе приписывают женщинам, которые в их отношении к фаллической функции, то есть к тому, что коррелирует с истиной, не слишком заинтересованы в том, чтобы явить её полностью или исчерпать её до самого конца. В этом отличие от мужской позиции, где фаллическое часто деградирует до инструмента власти, и где новые буквы превращаются в новые технологии убийства. Однажды, гуляя по Москве, Жан Мишель с гордостью заявил, что его конструкции, его буквенные тая-ляп как раз тем и хороши, что никогда и никто не сможет использовать их для создания нового вида оружия. Эти конструкции так задуманы, что растворятся в руках раньше, чем эти руки смогут воспользоваться ими с подобными целями. Тут на ум мог бы прийти образ дважды утраченной Эвридики, с которым Лакан сравнивал бессознательное, но утрата и исчезновение сегодня коснулось самого создателя этих хрупких объектов. Одна из нитей его истории сегодня звучит так: жил-был человек, который изучал и создавал хрупкие и исчезающие объекты, настал день, когда он и сам оказался среди них.

Что нам остается, когда кольцо Жан-Мишель Вапперо ушло из нашего узла? Исчезнет ли этот узел следом за ним? Развалимся ли мы, сойдем ли мы с ума? Сам Вапперо в книге Узел сравнивал подобные исчезновения с птицей Феникс. Она, как известно, обладала потрясающей способностью: превращаясь в пепел, она всегда восстанавливалась из него. Именно так он говорил и про исчезающие из узлов кольца: есть момент пропажи кольца, а потом момент когда узел восстанавливается, хотя уже и не совсем в том виде, в каком он существовал до исчезновения. Сравнение со способностями Феникса в чем-то очень оптимистично, хотя, конечно, оно никак не отменяет того факта, что наш узел уже никогда не будет держаться так, как он держался до 28 июля 2025 года.

Александр Бронников, советник ТЕЕ